

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 18-го октября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9816.

СЪ НАТУРЫ.

(Сценка).

Вечеръло. Сапожникъ юома сидѣлъ подъ навѣсомъ на колодѣ, передъ столикомъ, сплошь заваленнымъ сапожными принадлежностями и инструментами.

Наискосъ отъ него, на ящикѣ изъ подъ гвоздей, стоявшемъ здѣсь уже года три, и поэтому черномъ и грязномъ, сидѣла его тетка, Анисья, довольно грузная рябоватая баба, служащая кухаркой гдѣ-то въ противоположной части города.

Тетка Анисья явилась нежданно-негаданно въ то время, когда юома накалачивалъ каблуки на штиблеты, принесенные для починки. Штиблеты нужно было готовить очень скоро, и поэтому приходъ тетки юому не обрадовалъ:

— Вотъ нелегкая принесла. Гдѣ тебѣ дѣло, а тутъ она. Заказчикъ забранитъ безъ сумѣнія.

Но отложивши работу въ сторону, онъ уже думаль иначе, черезъ нѣсколько мгновеній:

— Э, чортъ! Пусть бранится, коли хочетъ... На здоровье, чтобы ему лопнуть...

Тетка какъ пришла и усѣлась, сейчасъ же, почти съ первого слова, начала ругать юому.

— Какая твоя жисть, юома. Одно слово—собачья. Срамотно смотрѣть. Стыдъ глаза колетъ. Есть у тебя достоинство? Пьяница—и все тутъ. Сидишь здѣсь подъ навѣсомъ, аль въ своей вонючей конурѣ; сапоги точаешь, согнувшись спину, а въ праздникъ—въ трактирѣ идешь. Да слухай, дурья твоя голова, нешто хорошо спускать все на водку? Много пріятства отъ этого?

— Оно такъ,—промямлилъ юома, почесавши у себя за ухомъ.

— А коли понимаешь самъ, чего свиньей живешь? Пьянство человѣка къ гибели ведеть въ скоты превращаетъ... И морда у тебя пьяная. Прохожий на улицѣ, на тебя глядя, скажетъ, что ты пьяница. По одному твоему красному носу скажетъ.

Юома вскинулъ глаза на Анисью и хотѣлъ ей замѣтить, что и ее, Анисью, тоже могутъ принимать за пьяницу, такъ какъ у нея также красный носъ, но потомъ рѣшилъ глубокомысленно:

— Не мечите бисера передъ свиньями. Мели Емеля.

— А коли-бѣ ты не пилъ,—продолжала Анисья,—сталъ-бы совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Солиднымъ, степеннымъ, такъ что, значитъ, любо глядѣть. Самому лучше было бы. Теперь по праздникамъ ты подъ заборами валяешься, да въ участки тебя забираютъ, да синяки набиваются на мордѣ. А то-бѣ оженился, въ церковь ходиль, божественная книжки читалъ и похвалъ слыхалъ отъ всякаго: не-пьющей мушкина.

— Оно такъ,—промямлилъ во второй разъ юома и по прежнему почесалъ у себя за ухомъ.

Чезаре Ломброзо,
скончавшійся 6/19 октября въ Туринѣ.

Князь Ито,
убитый корейцемъ въ Харбинѣ, 13 октября.

Анисья минуту помолчала. И пока она молчала, юома, наблюдая ее, думалъ:

— Не спроста пришла. Видать. Хотится ей чѣй-то сказать. Надумываетъ какъ бы.

Но Анисья уже продолжала опять:

— Слушай, юома, я пришла къ тебѣ за дѣлами. Не догадываешься за какимъ? По глазамъ вижу, что не додадаться... Невѣсту тебѣ нашла, вотъ оно что. Оженить хочу.

— Невѣсту?

Юома выпучилъ глаза и застылъ, съ недоумѣвашимъ выраженіемъ лица.

— Чего такъ уставился? Ты вотъ мнѣ что скажи, радъ ты этому? Невѣста хорошая: скромная, пригожая, работящая, ласковая. Ужъ для тебя будетъ самой что ни на есть удачливой женой. Увидишь—ротъ такъ и рази-

нешь отъ удивленія. Ну, чего молчишь, а?

— Оно, конечно,—проговорилъ юома. Коли невѣста надлежаща, ожениться можно. Подумать надо.

— Эхъ ты, пьяница, эхъ ты, тюленъ! — раскричалась вдругъ Анисья. Думать еще ему. Да ты въ ножки мнѣ поклонись за мое старанье. Думать нечего. Завтра вотъ мы и пойдемъ къ ней—ознакомлю тебя стало быть.

— Пойти то можно.

— Можно, можно!—передразнила Анисья. Тыфу!.. Коли-бѣ знала и не маялась. А я за него старалась, а я за него бѣгала, расхваливала твоё абрикосовое рыло и сюда къ тебѣ на край города притащилась.

— Я ничего. Я со всѣмъ моимъ удовольствиемъ. Чего тамъ? Ужъ я, къ примѣру, и самъ не разъ подумывалъ: ожениться, молъ, слѣдуетъ, не вѣкъ бобылемъ ходить... И тебѣ спасибо, само собой.

— Ну то-то... Давно бы такъ.

Анисья встала съ ящика, прошлась раза два подъ навѣсомъ. Потомъ остановилась передъ юомой:

— А теперь работу свою оставляй, да тетку свою угости. Мнѣ жрать хотится страшно, да и горло промочить слѣдуетъ. По рюмочкѣ, по двѣ—это не пьянство, энто, къ примѣру сказать, даже совсѣмъ другое выходитъ. Дохтура завсегда совѣтуютъ... Веди въ свою конурку.

При такихъ словахъ юома сразу ожилъ и повеселѣлъ, въ предкушении возможности выпить. Быстро вскочилъ, распахнулъ двери въ сѣни и, пропустивъ Анисью впередъ, зашагалъ за нею, насвистывая: „Во саду да въ огородѣ“.

— Чего жъ! Коли хорошая невѣста, ожениться можно,—думаль онъ. И даже очено славно будетъ. Въ разсужденіи, ежели къ примѣру сказать, женатый человѣкъ—другое совсѣмъ дѣло. Женатый противу холостого выходитъ все одно, что попъ противу дьякона.

И сейчасъ же онъ сказалъ теткѣ Анисьѣ:

— Ты, Анисья, не серчай на меня. Я къ тебѣ завсегда благодарность буду чувствовать: за невѣсту то. Нонче вотъ въ одинъ секундъ ты такъ все это выпалила, ну, само собой, не смекнула сразу.

— Я глупаго никогда не надумаю. Ужъ коли я взялась за што, завсегда въ лучшемъ видѣ будетъ...

Черезъ полчаса юома съ Анисьѣй сидѣли въ каморкѣ за столомъ. Передъ ними стояла бутылка водки и двѣ рюмки, которая юома раздобылъ у какихъ-то жильцовъ изъ этого же двора. Лежалъ кусокъ хлѣба фунта въ три, нѣсколько огурцовъ и дѣвѣ тарани.

Въ каморкѣ было полутемно, такъ какъ крохотное оконце, выходящее на сосѣдскій заборъ, пропускало мало свѣта. Окно было растворено, но оно нисколько не провѣтривало каморки, а, наоборотъ, черезъ него несла сюда вонь, навѣрно, отъ помойной ямы.

Өтма съ Анисьей уже успѣли выпить по нѣсколько рюмокъ водки, и Өтма, конечно, умудрился выпить больше. Послѣ каждой рюмки онъ жевалъ огурецъ съ хлѣбомъ. И больше жевалъ, чѣмъ Ѳѣль, думая только, какъ бы еще выпить. Анисья упивалась за обѣ щеки все, что попадалось подъ руку, и ораторствовала:

— Тебѣ, Өтма, и почудиться того не можетъ, какъ будешь. Оженишься—станешь совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Наймете вы себѣ квартирку, чтобы комната съ кухней. И съ гераньками на окнахъ, само собой. Все, какъ слѣдуетъ у людей. Заведете себѣ столь хороший, не такую дрянь, какъ этотъ, стульевъ накупите, кровать широкую съ подушками и одѣяломъ. Потомъ дѣтишки у васъ пойдутъ. По полу зачнутъ ползать. Вотъ-то радость. Къ примѣру сказать, за бороду тебя цапнеть ручкой: папка, моль... А?

— Что тутъ и говорить. Очень ужъ приятно, отвѣтилъ Өтма такимъ голосомъ, чтобы выходило будто бы радостно.

И прибавилъ:

— Ну, тетка, еще по рюмочкѣ. — По рюмочкѣ, такъ по рюмочкѣ... Ну, вотъ будетъ у тебя трое дѣтей: Вания, Петя и Аниота. И всѣ въ тебѣ: и глаза, какъ у тебя, и волосы, и носы. Носики бѣленыкіе, само собою, не красные. Нешто пьяницы они? Мальчики будуть ходить въ голубенькихъ рубашечкахъ, съ бѣленыкими горошкомъ, а Аниоточка въ платьицѣ съ кружевцемъ. Съ разнымъ кружевцемъ узорчатымъ. Когда родится Вания, ты меня въ кумовья позови! Позовешь, а?

— Само собой тебя, а то кого жъ. Само собой... Ну, тетушка, еще по рюмочкѣ.

— Можно. Хоть оно того, голова зачала ходить. Да ради того случая не грѣхъ... Я Ваничкѣ твоему рубашечку сошью съ каленкору... Тыфу, биши, полотняную. Хорошую, распригожую. И другую рубашечку сошью: красненькую, съ зелененькими цветочками... И на Аниоточку меня позовешь. Хочу крестить и Аниоточку.

— Вѣстимо, тебя. Ты для меня одно слово, что благодѣтельница. Завсегда помнить буду.

— Смотри же мнѣ,—вѣско замѣтила Анисья, погрозивши Өтмѣ пальцемъ, и уже безо всяко напоминанія проглотила новую рюмку водки.

— Ты, энто, къ примѣру, правильно сказаешь: благодѣтельница я тебѣ. Кто другой постарался бы? На истинный путь наставляю. Человѣкомъ сдѣлаю, хо-ро-шимъ человѣкомъ. А водка до добра не доведетъ. Водку про-кляни.

— Прокляну. Я ее завсегда проклинаю, убѣдительнымъ тономъ пропоровиъ Өтма, опрокидывая въ ротъ рюмку водки. Опрокинулъ одну, поспѣшилъ наливъ другую и опорожнилъ моментально.

Анисья уже еле выговаривала заплетающимся языкомъ.

— Выпить можно, коли случай на то есть. Разница великая,—выпить или пьянствовать до безчувствія. Ежели

ты того... пьяница, тебѣ цѣна копѣйка. А степенно выпить, малость, ежели когда придется, не возбраняется.

— Въ самую точку изволишь говорить, тетка, въ самую точку.

Когда кончилась бутылка, Өтма вытянула изъ подъ стола другую, присасенную заранѣе.

— Анисья вдругъ вскочила изъ-за стола и, притопывая каблуками, заорала пьянымъ голосомъ:

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя кле-новыя...

Но, покачнувшись, не удержалась на ногахъ и упала на табуретъ.

Глупо оглядѣлась кругомъ и засмѣялась пьянымъ смѣхомъ:

Памятникъ Ө. П. Гаазу,
открытый 1-го октября въ Москвѣ.

— Ишь ты, разнесло. Немного спустя, она уже храпѣла, положивши голову на столъ, а Өтма, тоже порядочно пьяный, сидѣлъ напротивъ, съ сосредоточеннымъ видомъ пропускалъ рюмку за рюмкой съ большими паузами и философствовалъ:

— Извѣстно, баба... Што тамъ баба—фрая Тарахтѣлка... Строкотала, стрекотала, да и наливалась. Стыдно, тетка. Хошь ты мнѣ и тетка, а скажу дѣдура. Думаешь, коли я молчалъ, почему молчалъ? А вотъ то-то и дѣло, что потому!..

В. Унковскій.

взглянула на меня два раза и я на нее, въ то время, какъ ея мужъ уплеталъ свинину съ хрѣномъ.

— И когда она встала, она улыбалась.

Она увидѣла меня сегодня въ первый разъ, какъ я ее.

— И мы никогда больше не встрѣтились.

— Завтра вечеромъ она будетъ ужинать въ другомъ ресторанѣ—я, вѣроятно, тоже! Да, я тоже!

— Сегодня вечеромъ меня эта неизвестная такъ осчастливила своимъ взглядомъ и своей еле замѣтной улыбкой, какъ никогда позже не могла бы это сдѣлать.

— Эта женщина несчастна, подумалъ я съ того момента, когда сѣль противъ нея. Она глядѣла на своего мужа съ его хрѣномъ и ветчиной холодными, недружелюбными глазами, когда онъ этого не видѣлъ, и поглядѣла безсознательно, не думая о флиртѣ, въ мои глаза.

— И она улыбалась, когда сказала мнѣ навсегда свое молчаливое adieu.

— Теперь она сидѣтъ гдѣ-нибудь въ трамваѣ около господина съ ветчиной и хрѣномъ или противъ него, вспоминаетъ мое лицо, мои глаза и едва отвѣчаетъ мужу.

— Потому, что она знаетъ мужа, а то, что тебѣ знакомо, не можетъ быть твоимъ идеаломъ.

— Если бы я былъ ей представленъ, если бы я заговорилъ съ нею около того столика, какое-нибудь неосторожное слово съ моей стороны, жесть, и я свергнутъ съ пьедестала, и идеалъ получаетъ трещину.

— Будь игра нашихъ глазъ серьезная, становись она фатально-серьезной, я стать бы для нея черезъ пару дней, недѣль или мѣсяцевъ тѣмъ же господиномъ съ хрѣномъ и ветчиной. Не смѣйтесь, пожалуйста, я былъ два раза женатъ и не имѣю дѣтей. Когда имѣешь дѣтей и ихъ любишь, остаешься слишкомъ часто другъ около друга. Мужъ крутитъ тогда свой усы въ ресторанахъ и кафе-шантанахъ, дѣлая наблюденія. Жена же ищетъ въ слабыхъ, тоскливыхъ минутахъ, когда испытываетъ умершее чувство къ господину съ хрѣномъ и для нея жизнь нѣчто сѣре безъ горизонта—она ищетъ тогда молчаливые глаза другого мужчины, котораго она не знаетъ, и который не имѣетъ никакого отношенія къ ея прошлому, къ ея воспоминаніямъ, котораго скромный взглядъ вызываетъ въ ея возбужденной памяти всѣ ея поруганные дѣвичьи идеалы, мечты, желанія.

— Вѣшь современномъ Вавилонѣ, чужестранецъ, нѣть больше несчастныхъ браковъ, несчастныхъ женщинъ, несчастныхъ мужчинъ. Здѣсь, на улицахъ, въ поѣздахъ, трамваяхъ, театрахъ, ресторанахъ не смотрять такъ за человѣкомъ, какъ въ маленькомъ городѣ.

— Но въ деревнѣ, въ провинції, ни у мужчины, ни у женщины не хватить смѣлости искать глазами свой идеалъ. Ни одна женщина не рѣшится улыбнуться идеалу, котораго она никогда больше не увидѣтъ.

— Въ нашемъ современномъ Вавилонѣ взглядъ женщины, едва замѣтная улыбка означаетъ—не нахальство, не банальность. Въ нашемъ Вавилонѣ идеалъ бѣгааетъ, какъ нищий, какъ по-

нецъ, запомните эту искреннюю, прекрасную улыбку интеллигентной женщины и не ищите ничего нехорошаго подъ ней!..

— И если вы насладитесь когда-нибудь улыбкой двухъ ищущихъ глазъ, какъ я недавно, запомните это, какъ печальный привѣтъ, какъ запахъ цвѣтовъ, какъ голосъ изъ чудной страны, въ которую одновременно вступаютъ только двѣ души.

Не представившись другъ другу, мы разстались. Но съ тѣхъ поръ, я, кажется, встрѣчаю его всюду...

Дочь Феррера,

артистка парижскихъ театровъ, которая, не раздѣляя убѣждений отца и въ качествѣ монархистки, просила короля Альфонса XIII помиловать ся отца.

С. Т. Строева-Сокольская,

драматическая артистка.
Къ гастролямъ ехъ въ труппѣ А. М. Карапли-Торцовъ въ Харьковѣ.

прошайка, жалуется женская душа, безмолвно возмущается душа разочарованного мужчины. Въ нашемъ Вавилонѣ это сказывается во встрѣчѣ глазъ, въ бѣглой улыбкѣ человѣческихъ устъ.

— Когда посѣщаю театръ, я вижу черезъ бинокль женщину, женщину видѣть меня. Во время антракта наша встрѣча быстра, мимолетна.

— Дѣвѣ пары глазъ, которые узнаютъ другъ друга въ моментъ вѣчности и—мимо.

— Иногда поѣздъ останавливается на полминуты противъ другого поѣзда.

— Я вглядываюсь въ пару глазъ, вижу улыбку—и сейчасъ же послѣ этого поѣздъ мчится дальше.

— Запомните эту улыбку въ нашемъ Вавилонѣ, чужестран-

МИНИАТЮРЫ.

О, моя юность!
О, моя свѣтлость!

Мнѣ снилось...

Какое-то бѣлое легкое видѣніе улетало отъ меня, уносилось въ туманную даль.

И темно стало моимъ глазамъ.

Темно и пусто въ сердцѣ.

Я зналъ, что это она, моя юность, моя свѣтлая гостья,—и въ страшной тоскѣ закричала я ей:

— Ты улетаешь уже, моя беззаботная юность, ты улетаешь свѣтлымъ облачкомъ. Дай одинъ мигъ—я оглянусь, я провожу тебя послѣднимъ взглядомъ...

Что же ты оставляешь мнѣ?

Обгорѣлые пни, сухіе цвѣты, поникшіе стебли...

Что-то зазвенѣло у нея въ рукахъ, тихимъ, жалобнымъ звономъ, и я узналъ, что это мои мечты.

И я закричала: „Оставь ихъ мнѣ, юность!

Оставь, какъ единственное сокровище!

Пусть онъ будутъ въ опустѣвшемъ сердцѣ.

Какъ чудный вѣнокъ изъ розъ на безжизненномъ тѣлѣ...

Но выше улетаетъ она и не слышитъ.

„Отдай мою вѣру! Отдай силу могучихъ и яркихъ порывовъ!“

И въ отвѣтъ я услышала ея смѣхъ, такій гармонический и нѣжный, но острой болю отозвался онъ во мнѣ.

„А моя любовь...—говорю я уже тихо, обезсиленный, и поднимаю къ ней руки.

Тогда она бросила мнѣ, не оглядываясь, распустившійся красный цвѣтокъ.

„Такъ вотъ что ты сдѣлала съ моею любовью!“

И слезы полились изъ глазъ, и я цѣловалъ безъ конца бѣдный погибшій цвѣтъ.

„Равнодушная! Безчеловѣчная! Такъ возьми-же и мое сердце!“ И я упалъ на дорогу.

Въ тоскѣ я проснулся.

И я спросилъ себя: „А гдѣ мои мечты?“

Гдѣ могучие и гордые порывы? Гдѣ мозги любови?

И впервые я почувствовалъ, что ихъ нѣтъ уже въ немощномъ сердцѣ: она все взяла съ собой.

А. П.

Выборъ.
Когда я стала изнемогать отъ усталости на моемъ покрытомъ камнями

тернистомъ пути, я поднялъ съ молитвой глаза къ небу и сказалъ моему лучезарному ангелу-хранителю:

„Освѣти мнѣ путь!“

„Вотъ два огня“, сказалъ онъ: „ты можешь выбрать“.

Прямо предо мной разливалось кроткое сіяніе звѣзды.

Тихій покой, безоблачную радость сулили мнѣ ея играющіе лучи.

„Какое счастье!“ подумалъ я, забывъ про камни и тернія.

И душа моя зажглась нездѣшнимъ миромъ.

Но я увидѣлъ еще огонь—страшное могучее зарево, грозную стихію пожара, въ нѣдрахъ которой были смерть и разрушеніе.

„Какая мука!“ подумалъ я, потому что въ душѣ моей было такое-же пожирающее пламя.

„Я выбралъ!“ сказалъ я лучезарному и бросился къ бушующему огненному морю.

Съ глубокой скорбью отвернулся онъ и прошепталъ одно слово: Безумный! А. П.

ПРИЗРАКИ.

(Leconte de Lisle).

Три призрака въ часы нѣ мой печали
Приходятъ, я ихъ вижу, какъ во
снѣ.

То тѣни грезъ, что скорбно отзу-
чили.

Я созерцаю ихъ въ унылой тишинѣ,
Съ тоскою жду ихъ тяжкаго мол-
чанья,

И сердце жалобно сжимается во мнѣ.
На ихъ губахъ спитъ горькій смѣхъ
страданья.

Ихъ взгляды полны тусклаго огня,
И леденитъ мнѣ кровь ихъ мрачное
блестанье.

Подъ тусклый свѣтъ льдомъ ско-
ваннаго дня,
Подъ небо зимнее, мертвѣй холод-
ной стали

Меня влекутъ, молчаніе храня,
Три призрака въ часы нѣ мой печали.

В. Л.

Смѣсь.

Дома Эдиссона.

Знаменитый американский изобрѣтатель, работавшій во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, теперь занятъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, новымъ полезнымъ изобрѣтеніемъ литьихъ домовъ. Какъ сообщаетъ «Echo», Эдиссонъ усиленно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы дать возможность американскому рабочему и скромному городскому жителю имѣть свой собственный удобный, здоровый и уютный домъ за очень дешевую цѣну. Собственный домъ Эдиссона, какъ известно, вылитъ изъ тугоплавкаго бетона. Опыты съ литьемъ домовъ съ помощью различныхъ насосовъ уже дѣлались въ Америкѣ и Европѣ. Заслуга Эдиссона состоить прежде всего въ изобрѣтеніи такого состава, который совершенно каменѣтъ и, въ то же время, въ началѣ представляеть собою очень текучую послушную

Гернгрессъ,

генераль-лейтенантъ, назначенный начальникомъ генерального штаба.

массу, наполняющую подъ собственнымъ давленіемъ всѣ углы и изгибы формы. Дальнѣйшее его изобрѣтеніе—это желѣзная форма, которая можетъ служить для отливки домовъ больше тысячи разъ, придаетъ стѣнамъ гладкость и чистоту и дѣлаетъ ненужными ни штукатурку, ни окраску стѣнъ. Весь домъ по системѣ Эдиссона можетъ быть приготовленъ въ двѣ недѣли. Модель эта, конечно, небольшого размѣра и предназначается для одной семьи. Площадь, занимаемая такимъ домомъ,—8 метровъ въ ширину и 9 метровъ въ длину, включая сюда и веранду съ погребомъ, двумя большими комнатами въ первомъ и второмъ этажахъ и чердакомъ. Форма для такого дома съ верандой, лѣстницами, крышей и пр. состоитъ изъ 500 частей. Отдельные части по желанію могутъ быть измѣнены такъ, что можно менять и фасадъ, и внутренность комнатъ. Такая желѣзная форма стоитъ 100,000 марокъ, а вмѣстѣ съ бетонной машиной и другими приспособленіями 160,000 марокъ. Форма эта можетъ, при энергичной работе, служить для содержанія 20 домовъ ежегодно. Эдиссонъ высчитываетъ, что такой вылитый домикъ, со всѣми приспособленіями для проведения воды и газа, стоитъ 5,000 марокъ; онъ очень проченъ, очень гигиениченъ и въ то-же время абсолютно безопасенъ отъ пожаровъ. Эдиссонъ надѣется на образованіе строительного Общества, которое будетъ работать по крайней мѣрѣ съ шестью формами, и тогда можетъ быть вылито въ годъ до 140 домовъ.

Найденіе древностей.

Въ Выборгѣ, на мѣстѣ, где строится новый вокзалъ, подъ верхнимъ пластомъ земли нашли хорошо сохранившіяся жилища людей каменного периода. Вызванные изъ Петербурга и Гельсингфорса геологи заявили, что найденные жилища принадлежали людямъ, жившимъ 4,000 лѣтъ тому назадъ. Въ жилищахъ найдены древніе очаги для варки пищи, каменные топоры и другія орудія первобытныхъ людей, кости животныхъ, которыхъ употреблялись въ пищу, и масса другихъ предметовъ глубочайшей древности. По расположению мѣстныхъ властей мѣсто наход-

ки опѣлено и организованы раскопки въ значительныхъ размѣрахъ подъ наблюдениемъ специалистовъ.

Опасность нового землетрясения въ Сициліи.

Извѣстный американский ученый Франкъ Пернеттъ, въ теченіе многихъ лѣтъ работающій въ качествѣ ассистента профессора Маттеути въ обсерваторіи вблизи Везувія, производилъ въ теченіе послѣднихъ недѣль научные изслѣдованія и наблюденія на о. Сицилія. По заявлению Пернетта, въ Сициліи и, главнымъ образомъ въ Мессинѣ, можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ нового сильнаго землетрясения. Пернеттъ въ 1906 г. съ точностью предсказалъ изверженіе Везувія.

Отвѣтъ солдата.

Въ Потсдамѣ, во время послѣдняго военнаго смотра, императоръ Вильгельмъ, по обыкновенію, разспрашивалъ пѣкоторыхъ солдатъ объ ихъ семьяхъ. Съ такими же разспросами оѣ обратился къ одному рядовому по фамиліи Андре. Услыхавъ эту фамилію, Вильгельмъ II улыбнулся.

— А!—сказалъ онъ,—тебя звать Андре? Ты знаешь, что ношишь имя знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ?

— Знаю, ваше величество.

— Кто тебѣ сказалъ это?—продолжалъ императоръ.

— Капитанъ, ваше величество.

— А! Твой капитанъ. А что онъ тебѣ говорилъ по поводу этого Андре?

— Онъ сказалъ мнѣ, ваше величество, что у него одно только желаніе, именно, чтобы тотъ Андре захватилъ меня съ собой, чтобы больше уже не видѣть меня.

Всѣ собравшіеся вмѣстѣ съ императоромъ разразились смѣхомъ.

Археологическое открытие въ Мексикѣ.

Раскопки, начатыя въ Мексикѣ, вблизи Отумба, привели къ очень важному въ археологическомъ отношеніи открытию.

Руководящій раскопками профессоръ Рамонъ-Мена, какъ передаетъ «New-York Times», телеграфировалъ, что имъ найденъ подъ землей цѣлый городъ, относящийся къ одному изъ древніхъ періодовъ человѣческой исторіи, именно періоду толтековъ. Между прочимъ, тамъ открыта пирамида, имѣющая 60 футовъ въ высину и 200 кв. футовъ въ основаніи.

Гонорары авіаторовъ.

Аэронауты, въ качествѣ гастролеровъ на «воздухоплавательныхъ недѣляхъ», начали получать такие гонорары, которымъ должны уже завидовать и знаменитые спортивные пѣвцы. И эти гонорары пока не понижаются, а иногда идутъ на повышеніе. Блеріо и Латамъ требуютъ 50 т. фр. за 5 дней. Фарманъ въ принципѣ требуетъ 25 т., а на практикѣ 40 т. Полланъ не беспокоится меньше, чѣмъ за 20 т., Делятранжъ—отъ 25 до 40 т. Авіаторъ, совершающій полетъ въ 10,000 метровъ высоты, требуетъ 10,000 фр. Всѣ издержки при этомъ должны быть оплачены. Несомнѣнно, что столь высокіе гонорары авіаторовъ очень скоро понизятся, благодаря конкуренціи и улучшенію аэроплановъ.

